

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Л 65
P33973

Дарево
НАД
Даливом

О З И З
ГОСАНТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД

ВЛАДИМИР ЛИОШИЦ

**Зарево
над заливом**

С Т И Х И

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Ленинград - 1945*

Ленинграду

Здесь пахуч тополиный цвет,
Вкруг тебя же — болотный ворс...
Здесь не ведаю прежних бед,
А с тобой — голодал и мерз...

Почему же в ночной тиши,
Перед тем, как забыться сном,
Я грущу в глубине души
О тебе, о тебе одном?

И зачем среди степных дорог
Угадать иногда хочу —
Уж не с Ладоги ль ветерок
Прилетел к моему плечу?..

Потому что и штык и стих
Мне звенели в туманной мле.
Потому что друзей своих
Я в твоей хоронил земле.

*Потому что любой твой сын,
Закаленный в твоих ветрах,
Если даже идет один,
Побеждает тоску и страх.*

*Так спасибо тебе, родной,
За науку, за хлеб, за кров,
И за то, что ты был со мной,
Как отец, и прям и суров.*

Киев, 1944

**ЛЕНИНГРАД
ОБОРОНЯЕТСЯ**

Баллада о черством куске

(Зима 1941—1942 гг.)

По безлюдным проспектам
оглушительно звонко
Громыхала — на дьявольской смеси —
трехтонка.
Леденистый брезент прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны замечательных грузов.

Молчаливый водитель,
примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты,
хлеба вез он буханки,
Вез он сало и масло, вез консервы и водку,
И махорку он вез, проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант

прятал нос в рукавицу.

Был он худ. Был похож на голодную птицу.

И казалось ему, что водителя нету,

Что забрел грузовик на другую планету.

Вдруг навстречу лучам —

синим, трепетным фарам —

Дом из мрака шагнул, покарёжен пожаром.

А сквозь эти лучи

снег летел, как сквозь сито,

Снег летел, как мука, —

плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант, —

погодите, водитель.

Я, — сказал лейтенант, —

местный, все-таки, житель. —

И шофер осадил перед домом машину,

И пронзительный ветер ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант по знакомым

ступеням.

И вошел. И сынишка прижался к коленям.

Воробьиные ребрышки... бледные губки...

Старичок семилетний

в потрепанной шубке...

— Как живешь, мальчуган?

Отвечай без обмана!.. —

И достал лейтенант свой паёк из кармана.

Хлеба черствый кусок

дал он сыну: — Пожуй-ка, —

И шагнул он туда, где дымила буржуйка.

Там, поверх одеяла, распухшие руки.

Там жену он увидел после долгой разлуки.

Там, боясь разрыдаться,

взял за бедные плечи

И в глаза заглянул, что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант семилетнего сына.

Был мальчишка в отца —

настоящий мужчина!

И, когда замигал догоревший огарок,

Маме в руку вложил он отцовский подарок.

А когда лейтенант

вновь садился в трехтонку, —

— Приезжай! — закричал ему

мальчик вдогонку.

И опять сквозь лучи

снег летел, как сквозь сито.

Снег летел, как мука, —

плавно, медленно, сыто.

Грузовик отмахал уже многие версты.
Освещали ракеты неба черного купол.
Тот же самый кусок —
                    ненадкушенный, черствый —
Лейтенант в том же самом
                                кармане нащупал.

Потому что жена не могла быть иною
И кусок этот снова ему подложила.
Потому что была настоящей женою,
Потому что ждала, потому что любила.

Грузовик по мостам проносился горбатым,
И внимал лейтенант орудийным раскатам,
И ворчал, что глаза
                    снегом застит слепящим,
Потому что солдатом он был настоящим.

1942

Баллада о старом слесаре

(Зима 1941—1942 гг.)

Когда, роняя инструмент,
Он тихо на пол опустился,
Все обернулись на момент,
И ни один не удивился.

Изголодавшихся людей
Смерть удивить могла едва ли...
Здесь так безмолвно умирали,
Что все давно привыкли к ней.

И вот он умер — старичок, —
И молча врач над ним нагнулся.
— Не реагирует зрачок, —
Сказал он вслух,—и нету пульса...—

Сухое тельце отнесли
Друзья в холодную конторку,
Где окна снегом заросли
И смотрят на реку Ижорку.

Когда же, грянув, как гроза,
Снаряд сугробы к небу вскинул,
Старик сперва открыл глаза,
Потом ногой тихонько двинул,

Потом, вздыхая и бранясь,
Привстал на острые коленки,
Поднялся, охнул и, держась
То за перила, то за стенки,

Под своды цеха своего
Вошел — и над станком склонился.
И все взглянули на него,
И ни один не удивился.

1942

Она по капельке стекает,
Песок набился в детский рот.

А мать... она еще не знает,
Она еще волос не рвет...

А весть, что, правды не скрывая,
Примчится на передний край..

Не надо, почта полевая!
Уж лучше в поле потеряй!..

Мне ясно виден путь снаряда.
Я знаю, как он к нам попал.

Сначала немцу было надо
Добыть руду и лить металл.

Потом, под шелестенье шкива,
Его точили на станке,
И мастер, выпив кружку пива,
Стоял с кронциркулем в руке.

Потом в снаряд брусок тротила
Рука немецкая вкатила.

Потом — из дальней той земли —
Его в Россию привезли.

Потом, когда пришли солдаты,
Он лег на жесткую ладонь.

Потом, назвав координаты,
Пруссак скомандовал: «Огонь!»

И вот уже доносит некто,
Что прямо в цель попал снаряд,
И что «военного объекта»
Лишился город Ленинград.

Так это было, так случилось,
Таким путем он к нам попал.
Так вся Германия трудилась,
Чтоб сын твой больше не дышал.

Так бьет она из подлых пушек
В сиянье желтеньких веснушек,
В ребячий, слабенький висок,
И кровь струится на песок...

Покуда не свели мы счета
С ней, притаившейся во мгле,
Иных забот, иной работы
Мы не отыщем на земле!

Фото

Журнал врага.
Среди победных сводок
Цветное фото
Первых дней войны...
Давным давно
Немецкий щелкнул кодак.
И в кадре — ствол
Обугленной сосны.

Под той сосной,
Свершив свой подвиг трудный,
Лежит боец,
Прикрывший наш отход.
Горит, горит
Околыш изумрудный...
Молчит, молчит
Ненужный пулемет...

А вокруг бойца, —
Ведь лестно немцу сняться

У пограничной
Попранной черты, —
Как сельди в бочке,
Так они теснятся,
В немой ухмылке
Разевая рты.

Попасть на снимок
Всем, видать, охота,
И вот — стоят,
Не ведая того,
Что предаёт их
Собственное фото:
Здесь больше сотни
Шло на одного!..

Он их разил —
Стреляющих,
Вопящих,
Бегущих на него
Со всех концов,
И только он —
Лежащий среди стоящих —
Один — живой
Среди этих мертвецов.

Царскосельская статуя

«Урну с водой уронив,
                                об утес ее дева разбила...»
Косоприцельным огнем
                                бил из дворца пулемет.
Мы, отступая последними,
                                в огненном Пушкинском парке
Деву, под звяканье пуль,
                                в землю успели зарыть.
Время настанет — придем.
                                И молча под липой столетней
Десять саперных лопат
                                в рыхлую землю вонзим...
«Чудо! Не сякнет вода,
                                изливаясь из урны разбитой!»
Льется, смывая следы
                                крови, костров и копыт.

Урок

Обычный класс. Доска, и шкаф, и стол.
И, как всегда, стоит за партой парта.
И, свежевымытый, сосною пахнет пол.
И на доске потрепанная карта.
Как зачарованный, сегодня класс притих.
Ведет наставница в извозчикьем тулупе
Воспитанников колпинских своих
Вслед за указкою — по знойной Гваделупе.
Но вот звонок звенит над головой,
И, заложив цветные промокашки,
Выходят школьники,
  чтоб поиграть в пятнашки
В двух километрах от передовой.

1943

★ ★ ★

За Колпином, в расположеньи тыла,
Где год назад гремел жестокий бой,
Еще видна зеленая могила,
Заросшая высокою травой.

Ее дождями долгими размыло,
Но колокольчик светлоголубой,
Хоть и не знает обо всем, что было,
У изголовья встал, как часовой.

На перекрестке двух прямых дорог
Уже несет холодный ветерок
Осенних листьев желтые охапки.

Тут спит боец. Он сделал всё, что мог.
И каждый раз друзья снимают шапки,
Когда завидят этот бугорок.

1944

Противотанковый ров

Во рву, где закончена стычка,
Где ходят по мертвым телам,
Из трупов стоит перемычка
И делит тот ров пополам.

И пули на воздухе резком,
Как пчелы, звеня без числа,
С глухим ударяются треском
В промерзшие за ночь тела...

Не встав при ночной перекличке,
Врагам после смерти грозя,
Лежат в ледяной перемычке
Мои боевые друзья.

В обнимку лежат они. Вместе.
Стучит по телам пулемет...
Я тоже прошу этой чести,
Когда подойдет мой черед.

Чтоб ночью по рву пробираясь,
Ты мог изготовиться в бой.
Чтоб ты уцелел, укрываясь
За мертвой моею спиной.

1942

★ ★ ★

Из-под огня, под сень крутого ската,
По вздыбленной и рваной целине,
Не сын — отца, не брат — родного
брата, —
Солдат солдата вынес на спине.

Ломая ногти, полз, грозился: «Брошу!»
Стонал, ругался, по полю кружил,
И все-таки донес живую ношу
И на траву под скатом положил.

Достал пакет и, не припомнив правил,
По-своему бойца перевязал.
Напиться дал. Шинель на нем поправил.
И о себе ни слова не сказал.

А раненый, сомкнувши губы плотно,
Ждал санитаров, глядя в небеса,
И облаков суровые полотна
Его несли, как в море паруса...

Когданибудь, при виде русской крови,
Он на бинты рубаху разорвет,
Наложит жгут, угрюмо сдвинув брови,
И второпях себя не назовет.

1944

Вооруженный Ленинград

Здесь полдень тучи гонит хмуро,
А полночь быстрая светла.
Здесь в амбразуру — амбразура
Глядит из каждого угла.

Передним опоясан краем,
В венце из туч над головой,
Неколебим и несгибаем,
Стоит наш город грозовой.

И вечно мы гордиться в праве,
Что сам он — боевой комбат,
Ведущий к подвигам и славе
Своих отчаянных ребят.

Он нам приказывает кратко
И всех нас любит горячо.
Нева накинута, как скатка,
Через гранитное плечо.

Исакия холодный купол
Стал каской, к выстрелам привык,
И тучу острием нащупал
Адмиралтейства русский штык.

1943

*Бойцу, пришедшему
с Большой земли*

Ты не был с нами той зимою,
В том бесконечном феврале,
Когда наш город над Невой
Стоял один в морозной мгле,

Когда немецкая блокада
Стянула горло, как петля,
Когда дыханье Ленинграда
Ловила русская земля.

А он дышал в ту зиму хрипло.
Он бился, стоя впереди.
И гладь снегов бинтом прилипла
К его израненной груди...

Ты здесь недавно. Ты не видел,
Как встретил город черный день.
Как он паёк последний выдал
Бойцам, а сам стянул ремень.

Как, в доты превращая зданья,
Наш город жил в тисках беды
Без трех основ существованья
Без хлеба, света и воды.

И под ногами ленинградца
Хрустел в пустой квартире снег.
И если падал, то подняться
Не мог в ту зиму человек.

Но позабыть врагу едва ли,
Как, наступая от Невы,
Мы трижды в ночь атаковали
Противотанковые рвы!

И в схватке яростной и страшной,
Прикладом выбив автомат,
Штыком валили в рукопашной
Его откормленных солдат.

Ты рядом с нами будешь драться.
Один у нас передний край.
Неси же славу ленинградца!
Не урони! Не замарай!

1943

ЛЕНИНГРАД НАСТУПАЕТ

Памяти
подполковника *Ивана Ивановича Зарубо*

Февраль

Семь долгих дней средь сумрака лесного,
По кочкам, бурелому и кустам,
Мы тут кружили некогда... И снова
Мне довелось пройти по тем местам!

Теперь мы шли дорогой...

Властью ветра

Зарытая в пушистые снега,
Дорогу — на четыре километра —
Загромоздила техника врага.

Чье превосходство было многократно,
Та самая! — теперь, стремясь уйти,
Повернутая в панике обратно,
Она угрюмо стыла на пути.

А мы за Лугу вышли маршем скорым,
И не тебя, — прости уж как-нибудь, —
Я вспоминал товарищей, которым
Не совершать обратный этот путь.

Мы лесом шли в иное время года.
Был жарок день. Была прохладна
ночь...

Не только наши люди, но природа
Спешила нам — измученным — помочь.

Цветком, ручьем, залетной быстрой
птицей,

Игрой листвы бодрила нашу грудь,
И жажду утоляла голубицей,
И звездами указывала путь...

Тут немцы, окруженные под Лугой,
Голодные, сродни бездомным псам,
Февральскою освистанные вьюгой,
Теперь бредут по сумрачным лесам.

И если пуля наша не подкосит,
Природа с ними справится сама:
Собьет с пути, в сугробах
заморозит,

Заманит в дебри и сведет с ума!

Вперед!

По родной Ленинградской области —
Справедливая, без прикрас, —
Ходит слава о нашей доблести,
На сто верст обгоняя нас!

Головой потрясая русою,
Голосистая, в сто ладов, —
Мы на Плюссу, — она за Плюссою,
Мы на Гдов, — а она за Гдов!

Опоясаны тропки узкие
Ревом пушечных голосов,
И выходят к нам люди русские
Из дремучих своих лесов.

Это те, что с германцем не жили,
Стал им кровом простор небес.
Те, что били германца, ежели
Хоть на шаг забредал он в лес!

Разоренные, сердцу близкие,
Прижимаются к рукавам...
Не кладите поклоны низкие,
Мы должны поклониться вам.

И припомнив завет Суворова,
Днем и ночью — вперед, вперед! —
Ох, и быстро же, ох, и здорово
Совершили мы переход!

С ходу прусскую бьем солдатчину,
Прибавляем в Берлине вдов:
Тысяч восемь — за город Гатчину,
Тысяч девять — за город Гдов!..

Не подрублена, не повалена,
Не склониться ей, не упасть, —
Возвращается волей Сталина
Наша правда и наша власть!

И по всей Ленинградской области —
Справедливая, без прикрас, —
Ходит слава о нашей доблести,
На сто верст обгоняя нас!

1944

Землянка

Средь лесов и средь полянок,
Средь синявинских болот,
За два года — сто землянок
Накопал стрелковый взвод!

Закалясь в труде тяжелом,
Землю нашу — день за днем —
Рыл он сталью, рвал он толлом,
Жег — оттаивал огнем.

И входили мы в землянку,
Сапоги снимали с ног,
И железную времянку
Не бранили за дымок...

Впрочем, что скрывать? Бывало,
Заночуешь только раз,
А едва лишь солнце встало —
«Становись!» — летит приказ,

И уходит взвод стрелковый
С песней — горе не беда! —
Чтоб к своей землянке новой
Не вернуться никогда.

На такое дело глядя,
Заворчит иной боец:
«Для чужого, — дескать, — дяди
Мы отгрохали дворец...»

Нет, друзья! Меня, признаться,
Тут обида не берет.
Мне не жалко... Только б драться!
Только б двигаться вперед!

1944

На марше

Стихли песни, смолкли шутки,
Полушубки пот прожег.
Мы идем седьмые сутки,
А кругом блестит снежок.

Он сверкает в лапах ёлок
Наподобье хрусталя.
Ну, и душен, ну, и долог
День седьмого февраля!

Притомились даже кони.
Хлеба нет, и нет овса.
Враг уходит от погони
И петляет, как лиса...

По сугробам и оврагам,
Распахнув на марше грудь,
Ровным шагом, мерным шагом
Мы на запад держим путь.

С неба сумерки спустились,
Проиграл сигнал рожок,
И бойцы остановились,
Покачнулись, повалились
Вдоль дороги — на снежок...

Пехотинцу отдых дорог.
Прошагал с утра солдат
Может тридцать, может сорок,
Может полных пятьдесят!

Шевеля валежник, вьется
Пламя жаркого костра.
Вдруг с дороги раздается
Троекратное «ура», —

И на зависть всей Европе,
В снег роняя угольки,
Кухня скачет на галопе...
Подставляйте котелки!

1944

Идем

Минометов глухое аханье
Раздается
        в рассветный час.
Пруссаки
        из Большого Захонья
В контратаку
        идут на нас.
Водкой вышибли
        страх и горести,
Прут, горланя...
        А впереди
Танки мчатся
        на третьей скорости
С клокотаньем
        в стальной груди...
Первый луч
        на сухой валежине
Загорелся
        и вновь погас.

В Ленинграде,
в Москве
и в Нежине

Вспоминают
сегодня нас.

Испытание
нашей твердости

Наступает
в конце концов.

Я гляжу на них
не без гордости —

На безмолвных
своих бойцов.

Первый номер —
в еловой залежи, —

На второго
скосив глаза,

С пулемета
надульник снял уже,

Как намордник
с цепного пса.

Бронебойщик,
затвором лязгая,

Поворачивает свое
Диковатое,

долговязое
Гулливеровское

ружье.

Озаряемы
        боя вспышками,
Автоматчики
        там и тут
С автоматами-
        коротышками,
Приспособясь,
        лежат и ждут...
Крики немцев,
        команды кваканье
Раздаются
        вблизи от нас...
Это смертники
        прут из Захонья,
Приближая
        свой смертный час!

1944

12 февраля

Германской армии солдат
Мгновенно вскинул автомат,
И струйка желтого огня
Оттуда брызнула в меня.
Я ощутил тупой толчок
И завертелся, как волчок,
И снег, сверкавший подо мной,
Вдруг на меня пошел стеной.

Германской армии солдат
Был, вероятно, очень рад,
Что я упал, что он попал,
Что выстрел даром не пропал.
Мне снег забил глаза и рот,
И видел я, что он уйдет,
И понял я, в крови скользя,
Что дать уйти ему нельзя.

Германской армии солдат
Одет был в серый маскхалат.

И поглотил прибрежный куст
Его шагов небрежный хруст.
Но тут же, согнутый дугой,
Из-за куста шагнул другой,
И—чорт возьми!—как вошь на вошь
Он был на первого похож...

Различья между ними нет!
Я, лежа, поднял пистолет,
И рухнул, бросив автомат,
Германской армии солдат.

1944

Боброво

Над селеньем Боброво
Небо стало багрово.

И ревет,

обезумев от боли,

корова,

Едкий дым её душит,

Пламя лижет ей вымя,

И сарай она рушит

Рогами крутыми.

И до нас долетает

Чад горячий и смрадный, —

То корова пылает,

Словно факел громадный...

Горобец Анатолий,

Что сидит рядом с нами,

Как от собственной боли,

Громко скрипнул зубами.

«Ах, ты, праведный боже!

Немец — дело другое,

Но корове — за что же
Страданье такое?..»
Взял, без лишнего слова,
Автомат Дегтярева, —
Благодарно ложится
Средь дороги корова...
Нас фашисты встречают
Пулеметной чечеткой.
Пушкари отвечают
Прямою наводкой,
И, ломая преграды,
Мы подходим к Боброву...
Нет, не скроетесь, гады,
По-добру, по-здорову!

1944

Партизан

Он стоит на лесной прогалинке,
Неприметен и невысок.
На ногах — самокати-валенки,
Шапка — с лентой наискосок.

Прислонясь к косолапой елочке,
За спиною он чует лес.
И глаза у него, как щелочки,
Пугачевский у них разрез.

Под шатром ветвей, как у притолки,
Он с заплочным стоит мешком,
С автоматом немецкой выделки,
С пистолетом за ремешком.

Рассудительно и спокойненько,
Как стахановец-лесоруб,
Он врага превратил в покойника,
И у ног его стынет труп.

И качается — расступается,
И шумит молодой лесок,
И заря над ним занимается
Красной лентой — наискосок.

1944

Полярная звезда

Вторая тронулась ударная,
И танки движутся, бряцая,
А над плечом — звезда Полярная
Горит, колеблясь и мерцая.

Она из платины чеканена,
А ковш Медведицы — из меди.
Взойдя над головой Папанина,
Она вела его к победе!

Не весь металл, видать, расплавил,
Когда, сверканье в волны сея,
К отчизне долгожданной правила
Крылатый парус Одиссея.

С тех пор легенда перекроена:
Забыла прялку Пенелопа
И перевязывает война
На дне глубокого окопа, . . .

Вторая тронулась ударная,
И, нас на битву посылая,
Взошла, взошла звезда Полярная,
Холодным пламенем пылая!

Своим лучом неиссякающим,
Как луч ацетилена — белым,
Она сопутствует шагающим
И покровительствует смелым.

1944

Гимн пехоте

На марше ног не чуя,
Зимой в снегу ночуя,
Готов ежеминутно
И в битву, и в поход, —
Смекалкой и сноровкой,
Лопаткой и винтовкой
Советский пехотинец
Воюет третий год.
Не в светлые ворота, —
Сквозь дебри и болота
Идет он с громкой песней,
Чтоб было веселей...

Да здравствует пехота!
Бесстрашная пехота!
Советская пехота —
Владычица полей!

Смеясь в глаза невздам,
Песками, гатью, бродом,

Где пушкам не пробиться
И танкам не пройти, —
С лимонкою и скаткой,
С винтовкой и лопаткой
Идет он, все преграды
Сметая на пути.
Штурмует рвы и дзоты,
Идет на пулеметы,
И нет бойца на свете
Напористой и злей...

Да здравствует пехота!
Упрямая пехота!
Советская пехота —
Владычица полей!

Бывало, на привале
Гармошки заиграли,
Присел боец усталый
У жаркого костра,
Поел, переобулся,
Махоркой затянулся,
Под кустиком приткнулся
И дремлет до утра...
Земляк под самым боком
Храпит во сне глубоком,
К товарищу прижавшись,
Чтоб было потеплей...

Лишь ты в секрете где-то
Не дремлешь до рассвета,
Храня покой пехоты —
Владычицы полей.

Когда придем с победой,
Сын скажет мне: — Поведай,
Ты где служил и дрался,
С кем бил ты прусака?..
— Служил, сынок, в пехоте,
В шестой стрелковой роте
Второго батальона
Гвардейского полка.
Трудились мы до пота,
Была штыку работа...
Солдата-пехотинца
Попробуй, одолей...

Да здравствует пехота!
Могучая пехота!
Советская пехота —
Владычица полей!

1943

ПИСЬМА В ПРОСТРАНСТВО

Начало

Девчонка зло и деловито,
Чуть раскачав, одним броском
Коню швыряла под копыта
Мешки, набитые песком.
Она была в команде старшей
И взгромоздилась на гранит,
А город плыл на крыльях маршей,
Прохладным сумраком покрыт.
Уже дойдя коню по брюхо
И возвышаясь, как гора,
Мешки с песком шуршали глухо
Почти у самых ног Петра...

Сегодня ротный в час побудки, —
Хоть я о том и не радел, —

Мне увольнение на сутки
Дал для устройства личных дел.
И вновь на Лёшкиной кровати
Мне их увидеть довелось —
Твои измятые перчатки,
Небрежно брошенные вкось.
И я бежал из наших комнат,
Где было то, чему не быть,
Где вещи помнят, помнят, помнят
О том, что следует забыть.
И вот, легко и одиноко,
В пилотке, сбитой набекрень,
(Не возвращаться ж раньше срока?)
Я прошатался целый день.

Кругом скользили пешеходы.
Нева сверкала, как металл.
Такой неслыханной свободы
Я с детских лет не обретал!
Как будто всё, чем жил доселе,
Чему и был и не был рад,
Я, удостоенный шинели,
Сдал, с пиджаком своим, на склад.

Я знал, что боя отголосок —
Не медь, гремящая с утра,
А штабеля смолистых досок,
Мешки с песком у ног Петра...

А над Невой, вырастая
На небе цвета янтаря,
Пылала грубая, густая,
Кроваво-красная заря.
Она в полнеба разгоралась
Огнем громадного костра.
Её бестрепетно касалась
Десница грозного Петра.

1944

Пластинка

В квартире пахнет сыростью и гнилью, --
Через нее прошел сегодня фронт
И всё покрыл кирпичной красной пылью
И белой известью, как будто здесь ремонт.

От прошлого одна лишь паутинка
Под потолком повисла и дрожит,
Да чудом уцелевшая пластинка
Среди стекла разбитого лежит.

Про всё, что было в жизни нашей прежней,
Про всё, что нам тревожило сердца,
Там в песенке пленительной и нежной
Рассказано с начала до конца.

1942

★ ★ ★

Меня на фронт не провожали,
Не говорили слов прощальных,
И, как другие, на вокзале
Не целовал я губ печальных.

И чье-то сердце бьётся мерно —
Оно не назначало срока.
И потому-то я, наверно,
Тоскую редко... и жестоко.
1943

Столбы

В погоне за славой,
За счастьем в погоне
Я мчался когда-то
В гремящем вагоне,
Сквозь вечер весенний —
Совсем как в романе —
На твердом, пружинном,
Прохладном диване...

По мнению тёток,
Единственный в мире, —
Я рукопись вёз
В Ленинград из Сибири.
В ней были стихи —
Золотые надежды,
Уверенность юности,
Гордость невежды.

И вот — сочинитель
Расхваленных книжек —

Я вижу, что просто
Чирикал, как чижик.
Нас нянчила
Щедрая наша эпоха
И скидку давала
На всё, что неплохо...

А нынче,
С винтовкой шагая по глыбам,
По шпалам,
Где рельсы поставлены дыбом,
Где ночью бесшумно
Подходят к платформам
Вагоны,
Откуда несет иодоформом, —

Я снова гляжу
На столбы верстовые.
Я вижу их снова
И вижу впервые.
И только сегодня,
Быть может, я в праве
Сказать, что ведут они
К счастью и славе.

1943

Мне снилась дальняя сторонushка,
И рокот быстрого ручья,
И босоногая Аленушка,
По разным признакам — ничья.

А сам я был прозрачным призраком.
Я изучал ее черты,
И вдруг, по тем же самым признакам,
Установил, что это ты.

Сон шел навстречу этой прихоти,
Шептал: «Спеши, проходит срок!»
Но, как актер на первом выходе,
Я с места сдвинуться не мог.

Я понимал, что делать нечего,
Я знал, что на исходе дня
Ты безрассудно и доверчиво
Другого примешь за меня.

Я бога звал, и звал я дьявола,
И пробудился весь в поту.
А надо мной ракета плавала
И рассыпалась на лету.

1944

★ ★ ★

Как на войне ведётся с древности,
Струился дождь, и стыла грязь,
И в довершенье — крыса ревности
В мою землянку забралась.

Распялив остренькие усики,
Она тоски моей ждала,
И глаз рубиновые бусинки
Поблескивали из угла..

Я пить не стал. Я только выстрелил
Под нары — в черную нору.
И только потому, что выстоял,
Твое письмо пришло к утру.

1944

Прекратятся обстрел и бомбежка,
И опять я смогу, не спеша,
Золотое представить окошко
Над пологой волной Иртыша.

Там, наверно, мерцает коптилка,
И при желтом ее огоньке
Равномерно пульсирует жилка
На твоей похудевшей руке.

И по-женски округло струится
Набегающих строчек тесьма,
И бодрится и... ах, как бодрится,
Чтобы скрыть подоплёку письма:

Что тоскливо тебе и не сладко,
Что минуты шуршат, как песок,
Что не рано ли белая прядка,
Словно льдинка, легла на висок?..

Ну, в какой же не брошусь огонь я,
Чтоб — навстречу счастливым слезам —
Провести загрубевшей ладонью
По твоим утомленным глазам!

1943

Гост

Недавно пил я за тебя
На просеке лесной,
Где журавли, свой клич трубя,
Летели надо мной.

Я пил за прежнюю, за ту,
Что мне открылась вдруг.
За молодую¹ красоту
Твоих умелых рук.

За наши песни и цветы,
За то, что ты смела,
За то, что неженкою ты,
Выходит, не была!

Я пил за всех твоих подруг,
За силу женских рук,
Что носят бревна и мешки,
Стянувши ремешки.

Еще — за лыжный твой костюм, —
Он выцвел, но хорош!
За смех, за голос твой, за ум,
За всё, чем ты живешь.

— За тыл! — кричат из темноты,
И, шутки прочь, я пил
Вновь за тебя, за то, что ты
И есть тот самый тыл!

За то, что в письмах пишешь — бей!
За то, что сын — в тебя...
А рядом прыгал воробей,
Травинку теребя.

Я вспомнил, как ты любишь птиц,
И вот — влюблен и пьян —
Я хлебных накрошил крупicc
И бросил воробьям.

И я кричал им: «Не робей!» —
Хотя на этот раз
Был стрелян каждый воробей
И не боялся нас.

1943

★ ★ ★

Мне всё под силу на войне:
И голодать, и стыть, и драться,
Но не под силу оставаться
С самим собой наедине.

Тогда, едва пойдут поля,
Уж мельтешит в глазах солдата
Снежок бродяги-февраля
Полою твоего халата.

И только чуть повременим,
Уж небо, крашеное синькой,
Твоею шелковой косынкой
Вдруг обернется перед ним.

Одно спасенье — вспоминать,
Что жил я в детстве здесь,
  под Лугой,
Что счастлив был, что только мать
Была тогда моей подругой.

Что солнце так же, как сейчас,
Горело в соснах этих рыжих,
А я скользил на легких лыжах
В такой же самый день и час...

Вот так, хандрою взят в тиски,
Я применяю это средство
И удираю от тоски
По серебристым лыжням детства.

1944

★ ★ ★

Я снова лежу
                                в белоснежной палате,
Средь белых подушек,
                                на белой кровати,
И вновь доктора
                                в ослепительно-белом
Стоят
                                над моим продырявленным телом.
Стремясь это тело
                                избавить от муки,
Снуют по нему
                                их прохладные руки.
И твердо,
                                и нежно,
                                и словно с опаской,
Его покрывают
                                хрустящей повязкой...

Окутанный белым
  больничным туманом,
Я сердце дурманю
  привычным обманом,
Что будто, влекомая
  прежней любовью,
Ты вновь подошла
  к моему изголовью.

1944

★ ★ ★

Было очень больно мне вначале
Сознавать, что где-то далеко
Ты способна, позабыв печали,
Улыбаться ясно и легко.

В городах пустынных, в поле чистом,
Средь осенних пасмурных дорог,
Каюсь, каюсь, был я эгоистом,
Писем ждал и ждал твоих тревог.

Но теперь, привыкнув к дням ненастья.
Не боясь ни крови, ни огня,
Я тебе желаю только счастья,
Вечно счастья... Даже без меня.

1943

Песенка

Асе

За час до наступления,
В последние мгновения
Сидели пулеметчики
Под горкой под крутой
И хором пели песенку
Про шелковую лесенку,
Про дэвицу-красавицу,
Про терем золотой.

Знать, каждый пел про милую,
Мол, сам себя не милую,
И в бой пойду,
И смерть приму
За ясные глаза...
И сердце жгла невидная,
А, стало быть, не стыдная,
От песни закипевшая
Солдатская слеза.

Один припомнил Вологду
И ту, что любит смолоду.
Другой припомнил Винницу
И ту, чей звóнок смех,
И где-то здесь — незримая —
Была моя любимая, —
Не то, чтоб всех прекраснее,
А просто лучше всех...

Под этой самой горкою,
Поднявшись вместе с зорькою,
Мы выкатили к ельнику
Тяжелый пулемет.
И тот, что вспомнил Вологду,
Не встанет с поля — с холоду.
И тот, что вспомнил Винницу,
Обратно не придет.

Та ночка в снежной замяти
Навек осталась в памяти.
Сидели пулеметчики
Под горкой под крутой
И хором пели песенку
Про шелковую лесенку,
Про дéвицу-красавицу,
Про терем золотой.

Ночь

Под машиной стонут бревна.
Грязь летит со всех сторон.
Гать позвякивает, словно
Многоверстный ксилофон.

По шоссейке ли, по гати ль,
По дороге ль грунтовой, —
Ты газуй, газуй, приятель,
Ты гони к передовой!..

Ночь идет широким фронтом,
И дорога чуть видна,
И встает над горизонтом
Полуночица-луна.

— Ты, видать, душа-водитель! —
Сам пикап остановил.
— Прокатиться не хотите ль? —
Сам у пешего спросил.

Я, бродя во мраке ночи,
Горьким опытом учен,
Что другой — лихач — проскочит,
Не подсадит нипочем. . .

— Это верно лишь отчасти:
Ты стоял — голосовал,
На твое ночное счастье
Мой пикап забуксовал.

Вот по этой, брат, причине
Можешь ехать — не шагать. . .
Кто ты есть? В каком ты чине?
Мне погоню не видать. .

— Не минёр я, не сапёр я,
Не разведчик, не танкист.
По болоту шёл я в роту —
Полуночник-журналист.

Полагается поэту
Передать в кратчайший срок
Информацию в газету
На пятнадцать — двадцать строк.

И, — подохни я на месте, —
Ты мне все-таки соврал:
Ведь совсем, сказать по чести,
Твой пикап не буксовал. . .

Просто встал, меня жалея...
Просто ночка хороша...
Просто вместе веселее...
Просто русская душа...

Ты женат, товарищ? — Точно...
— Напиши своей жене,
Чтоб любила так же прочно,
Как забыли обо мне!

1943

Кружка

А. И. Гитовичу

Всё в ней, старой, побывало,
Всё лилось, друзья, сюда —
И анисовая водка,
И болотная вода!

Молоко, что поделили
Мы с комроты пополам,
Дикий мед, когда бродили
Мы у немцев по тылам,

И горячая, густая
Кровь убитого коня,
Что под станцией Батецкой
Пьяным сделала меня!..

Вот уж год она со мною:
То внизу, у ремешка,
То у самого затылка —
У заплечного мешка.

А вчера в нее стучала,
Словно крупный, красный град,
Замороженная клюква —
Ленинградский виноград!..

Может быть, мои вещички
Ты получишь в эти дни,
Всё выбрасывай!.. Но кружку
Ты для сына сохрани...

Ну, а если жив я буду
И минувшие дела
Помянуть мы соберемся
Вкруг богатого стола, —

Средь сияющих бокалов,
Неприглядна и бедна,
Пусть на скатерти камчатной
Постоит себе она,

Пусть в соседстве молодежи,
Как ефрейтор-инвалид,
Постоит себе в сторонке —
На веселье поглядит!..

1943

Алексю Лебедеву

Ты рисовал как якорь букву «я»,
А букву «t» чертой латинской метил,
Не потому ль, что с мачтой корабля
В ней сходство благородное заметил?

Не для того ль, картавя и смеясь,
Ты с девушкой прощался у причала,
Чтоб через год, внезапно воротясь, .
Сказать ей «вы» — и всё начать сначала?

И мореходной вышколен судьбой,
Сквозь молодость пройдя живой торпедой,
Не для того ль себя готовил в бой,
Чтоб даже смерть могла бы стать победой?

Я помыслами в будущем брожу
И вижу час вечерний над заливом
И девушку, которой я скажу:
— Не надо слез... Он был всегда
счастливым!

★ ★ ★

Надвигались железные бивни,
Полыхали озера огня,
Бушевали свинцовые ливни, —
И ничто не сразило меня!

И тогда, среди сумрака злого,
Я поверил, что жить суждено
Мне затем, чтобы вымолвить слово —
Неизвестное слово одно.

И когда это слово скажу я,
Отметая ненужные прочь,
Всех погибших друзей разбуду я,
Всех, кто канул в бездонную ночь.

Неужель не смогу отыскать я,
Неужель не найду в себе сил,
Неужель не поднимутся братья
Из своих безымянных могил?

1943

Вагон

Мимо дымных застав
Шел товарный состав
И ревел на последнем своем перегоне,
И, привыкший к боям,
Заливался баян,
В полутемном, карболкой пропахшем
вагоне.

Там, под песни и свист,
Спал усталый радист,
Разметав на соломе разутые ноги,
И ворочался он,
Сквозь томительный сон
Волоча за собой груз вчерашней тревоги.

Он под грохот колес
Околесицу нес
И твердил, выводя весь вагон
из терпенья:

«Говорит Ленинград,
Назовите квадрат,
Назовите квадрат своего нахождения...»

Шел состав «с ветерком»,
Дым летел кувырком,
И щемило в груди от зеленой махорки.
Я молчал, как сурок,
И сухой ветерок
Пробивался за ворот моей гимнастерки.

А внизу скрежетал
Разогретый металл.
Было шумно в вагоне, и жарко, и тесно.
И, летя в темноту,
Вспоминал я про ту,
Что заждалась меня. А вот где —
неизвестно...

Где-то сына растит.
Где-то в песнях грустит.
И привык с этих пор повторять
каждый день я:
«Говорит Ленинград,
Назовите квадрат,
Назовите квадрат своего нахождения...»

1944

Десять лет спустя

Будет город вдали
    выплывать из воды, как мираж.
Будет солнце сиять. Будет душно.
    И, кликнув собаку,
Ты войдешь, не сгибаясь,
    в заросший бурьяном блиндаж,
И глаза твои долго
    не смогут привыкнуть ко мраку.
Из привычного царства,
    где солнце, и зелень, и зной,
Где петляют стрижи
    и румянит листок земляника,
Ты не видишь меня,
    но шагаешь, мой мальчик, за мной
В непонятное царство,
    где всё так безмолвно и дико.

Ты глядел в поднебесье,
а здесь потолок невысок.
Ты к траве прижимался,
а здесь полусгнившие нары.
Словно юркая мышь,
под обшивкой шуршащий песок,
Зелень стреляных гильз
и разошедшийся остов гитары.
Не хочу, чтоб умом,
а хочу, чтобы детской душой
Два различные царства
ты слил бы на миг воедино
И привел на поклон
мир надземный, звенящий, большой —
В этот мир под землей,
где отец поработал для сына.

1943

Весна

Один сказал, что это бьет
Гвардейский миномет.
Другой — что рывкают опять
Калибры двести пять.
— Форты, наверно, говорят, —
Поправил я ребят.
А недобрившийся комбат
Сказал, что нас бомбят.
Потом на воздух всей гурьбой
Мы вышли вчетвером
И услышали над собой
Чудесный майский гром.

1943

★ ★ ★

Из тылов к передовой
Конь бежит по первопутку.
Конопатый ездовой
Важно курит самокрутку.

Конь везет запас гранат.
На груди, под красным бантом,
У него висит плакат:
«Смерть немецким оккупантам!»

1943

Васильки

Над окопом василек
Тянет тонкий стебелек.
В синем поле васильковом
Наш передний край пролег.

Сколько раз,
Ах, сколько раз
Любовались мы на вас...
Вот и я —
Взглянул и вспомнил
Синеву далеких глаз...

Каждый венчик из лазури!
Безмятежны и легки,
Прямо к самой амбразуре
Подступили васильки.

Ночь покроет вас росой,
Подползу я к вам с косой.

Не смутите вы солдата
Предвоенною красой.

Из-за вас мне видно худо,
Огонек же дать отсюда
Мне придется на рассвете
И кинжальный и косой.

1943

Скворец

Не дом, украшенный богато,
Избави боже, не дворец...
Тут бедная стояла хата.
Над ней в скворешне жил скворец.

И, может быть, по красным числам
Гостинцы сыну нес отец,
Шла бабка к речке с коромыслом,
А на березе жил скворец...

Для блиндажей нужны накаты,
Для кухонь полковых — дрова,
И вот не стало этой хаты.
С войной не спорь. Она права.

Хозяйки нету, сын далеко,
Хозяин тоже — он боец.
И прилетевший раньше срока
Скучает маленький скворец.

Березе, вместе со скворешней,
Судьба судила уцелеть...
Сидит скворец на ветке вешней,
Не знает — петь или не петь...

Он возвратится — парень здешний,
Покончив с воинским трудом.
Пой, скворушка!.. Он под скворешней
Построит сыну новый дом!

1943

Сестра

Стучит «Максим», глотая жадно ленты,
Над белым полем сизый вьется дым,
И многое, достойное легенды,
Нам кажется обычным и простым.

И хоть у всех нас — общая дорога,
Не каждый виден в зареве атак.
Страна — одна, а нас, ребята, много,
И потому, должно быть, это так.

И потому, когда свистит над нами
Свинец врага, и, оборвав «ура»,
Внезапно пересохшими губами
Ты успеваешь вымолвить: «Сестра!»

Ты у нее напиться тихо просишь,
Не зная даже имени ее,
И только взгляд участливый уносишь
В глубокое, как море, забытье.

Пройдут года. Земли врачую раны,
Покроет безмятежная трава,
Изрытые воронками поляны
И шрам противотанкового рва.

И в ней сверкнет, — чудесная, как сказка,
Рассказанная ночью, при костре, —
Израненная маленькая каска,
Служившая неведомой сестре.

1943

Конь

Мы едем зеленой травой-муравой
Под небом из блеклого ситца,
Конь вертит упрямой своей головой,
Разгневанным глазом косится.

Он шею лебяжью сгибает дугой
В припадке наигранной злости,
И пляшет, и прах разгребает ногой,
А ноги сухие, как трости.

Лишь тронь его шпорой, стрелой летит,
И тело распластано гордо,
И в воздух вонзается, словно бушприт,
Его благородная морда. . .

Десятками сил, заключенных в мотор,
Меня по дорогам носило,
И всё же, друзья, мне милей до сих пор
Одна лошадиная сила!

1944

Двое

Лежали рядом два бойца,
Накинув плащпалатки,
И, вытирая пот с лица,
Горячей ждали схватки.

Один — немолод и сердит —
Оброс бородкой ржавой,
Другой — веселый, и на вид
Довольно моложавый.

Сердитый молвил: — Я бы тут
Пустил сейчас «Катюши»:
Не то, как в прошлый раз, уйдут...
Уйдут, пруссачьи души! —

Другой сказал: — Ты, батя, прав.
Приказано вначале... —
Но где-то рядом, зарывав,
«Катюши» их прервали.

Сердитый вновь: — Не знаю, как
Начальство тут рассудит,
Но взять бы в клещи их!..

Пруссак —

Он страх клещей не любит! —

Веселый молвил: — Ты, брат, смел!
С тобой — везде победа!.. —
И с уваженьем посмотрел
На мрачного соседа.

Сосед отнюдь не возражал,
На дальний глядя берег,
Но тут к ним быстро подбежал
Безусый офицерик.

Он, чуть не плача, завопил:
— Опять на поле боя?..
А что вам Маршал говорил?..
Да что ж это такое!..

Сердитый смотрит: «Нет, не сон...
А я-то, дурень, ласы!..»
Под плащпалаткой видит он
Широкие лампасы.

А генерал уже встает
Из-за болотной кочки.
Часы солдату подает
На золотой цепочке.

— Хочу, чтобы они у вас
В карманчике повисли
За твердый нрав, за верный глаз
И правильные мысли!

С тех пор — в бою, под звон свинца,
В землянке, на походе,
Когда сердитого бойца
Заденут при народе,

Он говорит: — Я сам — с усам!
Не трогай! Не таковский!
Со мной советовался сам
Товарищ Рокоссовский!

1943

Краснодонцы

1

Ущербной луны
Неподвижный осколок
Льет сумрачный свет
На рабочий поселок,
На черную вышку,
Несущую вахту,
На голую степь,
На глубокую шахту.

А степь вокруг поселка
Лежит неживая.
Не рана ль
В груди у нее ножевая?

А темных домов
Заржавелые кровли, —
Неужто луна в них мерцает?
Не кровь ли?..

Уже холодком
Предрассветным подуло.
Уже ни команды,
Ни залпа,
Ни гула,
Лишь крик журавлиный —
Предвестник морозов,
Да скрип
Уходящих на запад обозов.

Уходят обозы
Туда, где зарницы
Петляют по хмурому небу,
Как птицы.
В широкую степь
Из ночного поселка
Последняя катит
По шляху двуколка...

Луна заглянула
В пустое окошко,
Луна озарила нам
Краешек карты,

И тотчас легла
Голубая дорожка
От выбитой двери
До сломанной парты.

Тут некогда школа была.
Вы пошарьте
В сосновой,
Штыками исколотой парте.
Быть может, найдете,
И станет вам близок
И дорог
Любой карандашный огрызок.

Ведь эта разбитая
Школа-калека,
Которую взрывами
Набок скосило,
Встречала Сережу,
Учила Олега,
И Любу Шевцову
Любила-растила...

2

Когда их на свет
Выводили из камер,
С трудом узнавали
Ребята друг друга.

Порывистый ветер
Промчался и замер,
И вновь цепенела
И стыла округа.

Две девочки шли в середине.
Их лица
Пестрели узором
Царапин и ссадин.
Скорей бы до вышки дойти,
Прислониться
К смолистому тёсу
Ее перекладин!

По смуглым щекам
У одной разливалась .
Прозрачная бледность,
Подобная снегу.
— Держись, дорогая!
Немного осталось...
— Держусь, —
Отвечает Ульяна Олегу.

Он взял ее под руку.
Ясно и жёстко
Блистали стальные
Глаза Кошевого,

И немцы боялись
Глядеть на подростка,
Так твердо он к шахте шагал
И сурово.

Не он ли последние силы нашел
Для песни простой и свободной?
«Прощай же, товарищ! Ты честно прошел
Свой доблестный путь благородный...»

Шахтерские дети идут умирать.
Незримые грянули струны.
Выходят шахтерских детей провожать
Герои Парижской Коммуны.

Ведет комсомольцев немецкий конвой.
Винтовки торчат, словно колья.
И в ряд с краснодонцами, будто на бой,
Идут комсомольцы Триполья.

И боль от огня и ножа не остра
У Шуры и маленькой Любы, —
Их Софья Перовская, словно сестра,
Целует в горячие губы.

Мольбы не дождетесь от нас, палачи!
Мы сделали доброе дело!
Недаром пожары пылали в ночи
И красное знамя алено!

Пускай наша песня, а с нею привет
Летит под Кремлевскую крышу!
Ты слышишь ли, Маршал?..
И ветер в ответ
Доносит далекое: «Слышу!..

3

Всю ночь полыхают
Бесшумные грозы.
На Запад
Великая битва
Шагает.
На Запад
Армейские мчатся обозы.
Солдату солдат
Воевать помогает.

Когда ты с фашистом сойдешься,
Ты тоже,
Ты трижды свой штык
Поверни в его глотке.
Штыком он у девочки
Резал на коже
Звезду,
Что горит у тебя на пилотке.

Ущербной луны
Неподвижный осколок

Льет сумрачный свет
На глубокую шахту,
На дымный,
Прославленный вами поселок,
На черную вышку,
Несущую вахту.

Там каменный уголь,
Окрашенный кровью,
Забойщика ждет
И на утро дождется.
Пойдет к Ленинграду,
Пойдет к Подмосковию,
По всем кочегаркам страны
Разольется!

. . . . .
. . . . .

А юность?
А юность над смертью смеется!

1943

Мастер Воробьев

(Ленинградская сказка)

Б. Ф. Семенову

1

Когда за Пулковом дорогу
Я второпях перебегал,
Немецкий снайпер угадал
Мне разрывною пулей в ногу
И я упал в пустой кювет,
Не зная — жив я, или нет.

Потом в глаза мои тревожно
И быстро глянула сестра.
Я охал. Боль была остра...
Раздался шопот: «Осторожно
Снимите левый ваш сапог!..»
Я попытался, но не смог.

Тогда меня на волокуше
Сестра обратно повезла.
Я без ветрил и без весла
Плыл в этой лодочке по суше
И прибыл — раненый солдат —
В порт, под названьем Медсанбат.

Там забинтованную ногу—
От пятки и по самый бок —
Замуровал хирург в лубок,
Спросил: «Последний? Слава богу!
Отправьте раненого в ФЭП,¹
А мне подайте чай и хлеб»...

В окне, полузакрытом шторкой,
Струился паровозный дым.
Он был то черным, то седым.
И, усыплен скороговоркой
Стремглав катящихся колес,
Я мерз, в шинель уткнувши нос...

Хоть мы снабжались не обильно, —
Паёк был очень невелик, —
Я быстро к голоду привык
И от него страдал не сильно.
Но холод, холод!.. Вот беда!..
С ним я не свыкнушь никогда.

---

¹ ФЭП — фронтовой эвакуационный пункт.

Он был повсюду: среди болота,
Где я киркой врубался в лед;
Он проникал и в грудь, и в дзот,
И в белый кожух пулемета;
Он был в окопах, и в лесах,
И в госпитальных корпусах.

Увы! Железные печурки
Никак не дольше, чем на час,
В палатах согревали нас,
Хотя врачи кололи чурки
И жгли, достойные хвалы,
Свои буфеты и столы...

В начале марта, вперевалку,
Еще боясь, что упаду,
Я вышел в город. На ходу
Я в снег вонзал большую палку,
И Невский плыл передо мной
Уже не прежний, а иной:

Он был пустынен. Гладко-гладко
Лежал повсюду рыхлый снег.
Не поднимая темных век,
Старик шагал. И ленинградка
В платке, опущенном на лоб,
Брела с сугроба на сугроб...

У Дома Книги, на канале
Увидел я свой старый дом.
Он снегом был одет и льдом.
Его морозы доканали.
А над воротами двора
Зияла черная дыра.

Всё было дома в беспорядке,
Всё было — то, и всё — не то...
Висело Асино пальто
На голой Лёшкиной кровати.
И плакал плюшевый медведь,
Пытаясь лапы отогреть.

Что стал я делать? Прежде —
свечку

Зажег, покуда не темно,
Доской заколотил окно
И, не колеблясь, бросил в печку
Шесть сочиненных мною книг,
Чтобы согреться хоть на миг.

Огонь покончил с ними быстро:
Перелистал их в пять минут,
Потом скрутил в горячий жгут,
Последняя промчалась искра,
И вот — уже одна зола...
Как мало было в них тепла!..

Тогда, в ушанке и шинели,
Я лег на детскую постель.
На улице мела метель.
За вьюшкой заунывно пели
Ее степные голоса,
И, может, час иль два часа
Я пролежал.

                  Меня знобило.
Сквозь щелку бледная луна
Проникла в комнату. Она
Холодный пол посеребрила.
Я забывался чутким сном,
Как вдруг услышал за окном
Негромкий шум...

                  Он где-то близко
Раздался... В шуме этом был
Стук птичьих лапок, шорох крыл
И даже что-то вроде писка...
«Пойду, — подумал я, — взгляну».
Вскочил и подошел к окну.

И вот увидел я в окошке,
Голубоватом от луны,
Двух воробышек... Шалуны
По снежной прыгали дорожке,
Друг дружку яростно тузя,
Хоть были, видимо, друзья.

Дрались пичуги, чтоб согреться.
Мне слышен был смешной их писк.
И впрямь —

луны морозный диск
Не греет. Некуда им деться.
И вот они друг! дружку бьют,
Пищат, но мерзнуть не дают.

А рядом, сброшены в запале
Горячей драки, на снегу
Лежат две шубки. . .

Я не лгу!
Я сам был удивлен вначале!
Две шубки — красного сукна —
Лежат у моего окна.

Не брякнув планкою задвижки,
Бесшумно вышел я во двор. . .
Не позабыть мне до сих пор,
Как испугались воробьишки,
И как шарахнулись вразлёт,
Роняя перышки на лед.

Один, схватив одёжку лапкой,
Успел вспорхнуть и улететь.
Другой кричал: «Не сметь! Не сметь!»
Но в крикуна я бросил шапкой
Взял шубку и бегом — домой!
А он кружился надо мной.

Признаться, я не догадался,
Что будет худо воробью.
Он, шубку потеряв свою,
В одних лишь перышках остался.
Я был жесток: в такой мороз
Похитил шубку и унес.

При тусклом свете над добычей
Склонился я, разжав ладонь.
На фитиле дрожал огонь,
Нарядик освещая птичий:
Он был весьма красив на вид
И мехом тоненьким подбит.

Чтоб обметать одни петельки,
Искусный просидел портной
Над шубкой,
  с согнутой спиной,
По крайней мере — две недельки!
Необычайно долгий труд
Был мастером затрачен тут.

В мешок диковинку!.. Но прежде
Я отогнул воротничок.
И что ж? Увидел ярлычок!
Совсем, как в «Ленинградодежде»!..
От уголка до уголка
Шла надпись. Но была мелка.

Любой портной проставить имя
Почел бы, верно, тут за честь!..
Я не сумел его прочесть
Глазами слабыми своими
И вновь склонился над столом
С увеличительным стеклом...

Тесьмой, при помощи иголки,
Портной там что-то начертал.
И наконец я прочитал,
Прищурив глаз, на черном шелке,
Чуть обтрепавшемся с краев,
Два слова: «мастер воробьев».

Да, был, видать, он мастер славный!
Кто ж он такой? И почему,
Неужто так и не пойму,
Он пишет имя не с заглавной,
А пишет с буковки строчной?
Где он живет, чудака-портной?

2

Не то заря, не то зарница
Алела гребнем петуха.
Светало... Что за чепуха
Нам иногда во сне приснится!..
Наверно, холод виноват.
Вставай! На фронт пора, солдат!

В руке — березовая палка.
Я встал и, выйдя, запер дверь.
Ну, что ж? Куда пойдём теперь?
Уехать сразу как-то жалко,
Тем более, что должен в часть
Я только к вечеру попасть.

И вот, по ледяной панели,
Всё с той же палкой и мешком,
Куда глаза глядят, пешком
Я шел по городу. Свистели
Снаряды.

Немец вел обстрел.
И чей-то дом уже горел...

Пройдя безлюдным Летним садом,
Вступил я на горбатый мост.
Шли пешеходы в полный рост
Навстречу, и шагали рядом,
Хотя висели вдоль реки
Шрапнелей чёрные дымки.

Я шел и шел... И вдруг на камне
Стены — дощечка из стекла
Мое вниманье привлекла,
Не сразу бросившись в глаза мне.
На ней, над грудой мерзлых дров,
Сияло: «мастер воробьев».

Тут приключенье прошлой ночи
Вновь пронеслось в моем мозгу.
Я знал, что медлить не могу,
Что нужно действовать...

Короче,
Я постучался, и портной
В дыму предстал передо мной.

Нет, не таинственная сила
Предстада предо мной в дыму.
Здесь было дымно потому,
Что печка тлела и дымила.
Валялись тряпочки вокруг
И стыл на верстаке утюг.

Портной был маленького роста —
Обыкновенный гражданин.
Он находился тут один
И выглядел довольно просто:
Одет был в ватник, очень худ,
Угрюм и в валенки обут.

— Вы мастер Воробьев? — Так точно.
— Мужские шубы шьете? — Шью.
Надеюсь, вам не очень срочно?
— Да, нет... А шубку... воробью
Вы из суконца сшить могли бы?... —
И стал портной немее рыбы.

— Я вас не выдам... С глазу на глаз
Правдивый дайте мне ответ. —
Портной молчал. — Ну? Да, иль нет? ..
И тут он крикнул: — Это нагло-с!
Вы просто пьяны! Вас зима,
Вас этот холод свел с ума! .. —

Злой стук наперстка,
                                ножниц выскерк,
И он на дверь мне указал.
Тут я портному рассказал
Про шубку...

— Ну, зачем вы, изверг,
Украли шубку воробья?
Да! Эту шубку делал я!

— Но как же так? Ведь на рассвете,
Когда к столу я подошел,
Я этой шубки не нашел...
— Что ж, значит правда есть на свете!
В доске, наверно, был просвет,
И воробей опять одет! .. —

И мне была раскрыта тайна
Любви портного к воробьям.
Ее спешу поведать вам,
Хотя она необычайна...

— Вы молоды, и вы едва ли
Наш город, — начал он, — видали
В том достопамятном году,
О коем речь я поведу.

На двадцать с лишним лет моложе
Я был в ту пору... Ну, и что же?
Пусть проживу еще сто лет, —
Я сердцем не состарюсь, нет!..

В тот год (об этом вы читали)
На город наш враги напали
И, окружив со всех сторон,
Хотели взять его в полон.

Минуя ночью баррикады,
К траншеям Пулковских высот
Красногвардейские отряды
От Нарвских двигались ворот.

Такой же был, как нынче, голод.
Такой же был, как нынче, холод.
И так же, лежа на снегу,
Отпор давали мы врагу.

Теперь бойцы у нас одеты
По форме. А тогда — штиблеты
И даже лапти — всё в тот год
Пускалось воинами в ход.

Ремни, папахи и шинели
Совсем немногие имели.
Герои давних тех атак
Одеты были кое-как...

Стал старым мастером теперь я,
А раньше был я — подмастерье.
Но я решил бойцов согреть
И нашу армию одеть.

Не истребитель двухмоторный,
Не танк стремительный и черный,
Не зажигательный снаряд —
Я изобрел... один наряд!

Его и нынче носит ратник,
Когда в пургу спешит на пост.
Он под шинелью. Это — ватник.
Удобен, выгоден и прост.

Я «кожи чортовой» и ваты
Купил, не пожалев зарплаты,
И ниток маленький моток,
Величиною с ногтей.

Вот в этой самой комнатушке,
Но только молод, а не стар,
Я слушал, как стреляют пушки,
И делал пробный экземпляр.

И чтоб рассказывать недолго,
Скажу, что дожил я до дня,
Когда последняя иголка
Сломалась в пальцах у меня...

Разрыл все ящики, все полки
Обшарил... Не нашел иголки!
Работа стала... А мороз
Всё лютовал. Всё рос и рос...

Я видел братьев, берегущих
Наш город. Стынущих в снегу...
Я видел их, напрасно ждущих,
Что я им чем-то помогу.

И я сидел и думал — где б
Иголку выменять на хлеб?..

В ту зиму, сколько б ни искали,
Хотя б весь город обошли,
Иголки вы бы не нашли,
Нигде б иголки не достали!

Не правда ль, кажется — пустяк,
А что поделать? Было так...

И тут я вспомнил о старушке
Одной знакомой, что жила
На Охте. Что у ней игла
Торчала в бархатной подушке!..

И я пешком (как нынче — вы)
Пошел, сквозь вьюгу, вдоль Невы.

Я вышел утром, а на Охте
Был только к самой ночи... «Ох-ти!—
Сказала бабка, — что ж, бери!
Да не теряй ее, смотри!..»
Коптилка источала копоть
И слабый, чуть заметный свет...
«Чем я чулки-то буду штопать?» —
Сказала бабка мне вослед.

Но я уж ничего не слышал,
Зажал иголку в кулаке
И быстро выбежал — не вышел —
Назад, к завьюженной реке.

Домой! Домой! Меня манила
Работа... Тут большая тень
Мою дорогу заслонила...
Я покачнулся...

Третий день

Я ничего не ел... Виски
Мне сжали страшные тиски...
Боль в сердце...

Головокруженье,

Я сделал резкое движенье,

Шагнул, взмахнул рукой, и вдруг —
Иголка

выпала

из рук!..

Я долго ползал... Мало толку!

Иголка спряталась в снегу...

Я потерял свою иголку!

Я сделать ватник не смогу!

Простите, братцы!.. А мороз

Всё лютовал. Всё рос и рос...

И вдруг, среди острых снежных игл

Мороза пальцы, вижу я —

Вы догадались?.. Воробья!

Он мне навстречу смело прыгал,

А в клюве — бог меня убей! —

Держал иголку воробей...

Что делать? Ведь его лишь тронь —

Он улетит, и всё пропало...

Но не робеет он нимало,

И я тяну к нему ладонь...

Он скачет по снегу, и вот —

Иголку в руку мне кладет!

Потом чирикает задорно,

Сверкает бусинками глаз

И улетает так проворно,
Что...

вот и кончен мой рассказ...

— А шубка?

— Я тогда поклялся,
Придя домой, что я сошью
За это шубку воробью.
Ну и, конечно, постарался.

Отныне мастер Воробьев
Шьет для людей и воробьев!

3

Прошло два года. Ленинградцам
Ни тьма, ни голод, ни мороз
Уже не шлют своих угроз.
За это нужно было драться,
И вечно счастлив буду я,
Что кровь лилась тут и моя...

Уже из труб ручьи бежали.
Снег таял. Наступал апрель.
Звенела серебром капель.
Трамваи звонко дребезжали.
И довоенной синевой
Сияло небо над Невой.

С портным желая новой встречи,
От вас не скрою, что с трудом
Узнал я возрожденный дом:
Он сбросил снег, расправил плечи.
Фанеру сняли. И стекло
Сверкало ярко и светло.

Тряся волос копною рыжей,
Девчонка, захвативши кисть,
На двух канатах взмыла ввысь
И, в люльке плавая под крышей,
Трудилась там. И был ей мил
И белый свет, и цвет белил.

Не ручеек, а прямо речка
Бежит, бурля, из-под ворот!
Вот окна мастерской. А вот
Знакомой вывески дощечка,
И дров оттаявших гора,
И ветром дует со двора.

Но странно...

Имя Воробьева

Стояло раньше со строчной,
Теперь же вид совсем иной —
Оно с заглавной буквы... Снова,
Из дальних воротясь краев,
Читаю: «мастер Воробьев».

Стучусь. Вхожу. Меня встречает
Старик в жилетке. Он пригож,
Но совершенно непохож
На Воробьева... Отвечает
Он мне поклоном на поклон
И говорит, что мастер — он!..

— Вы мастер Воробьев? — Так точно.
— Занятно... Шубы шьете? — Шью.
Надеюсь, вам не очень срочно?
— Да, нет... А шубку... воробью
Могли бы сшить, подбивши мехом?..—
Но он смеется добрым смехом.

— Скажите, — спрашиваю снова, —
Я отниму лишь пять минут,
Однофамилец ваш — он тут? —
И слышу голос Воробьева:
— Я здесь живу уж двадцать лет —
Другого не было и нет!

Но, впрочем, что же мы в прихожей
Стоим так долго? Попрошу,
Пройдемте в комнату... —

Вхожу.

Верстак и стул... Но не похожий
На тот, где, сидя в прошлый раз,
Я дивный выслушал рассказ.

— Вы прямо с фронта? — Из-под
Пскова.

— Там дочка служит у меня.
(Да вы погрейтесь у огня...)
Зовут — Мария Воробьева.
Встречались, может? Или нет?... —
Он подал мне ее портрет.

И вспомнил я про волокуши,
И вспомнил, как, лишенный сил,
Я без весла и без ветрил
Плыл в этой лодочке по суше...
— Да это же — моя сестра!..
— Она гостила тут вчера. —

Как много в жизни встреч случайных!
Я достаю сухой паёк,
Портной несет громадный чайник,
Потом бутылку приволок,
И стопку белого вина
Я за Марию пью до дна!..

...В снегу возились ребяташки,
Когда я вновь шагнул во двор...
Не позабыть мне до сих пор,
Как лихо прыгали мальчишки,
Друг дружку яростно тузя,
Хоть были, видимо, друзья.

Они пищали и толкали
Друг дружку в тающий сугроб,
Снежки по воздуху мелькали,
Один и мне впился в лоб,
Смех грянул, но моя рука,
Поймав, сгребла озорника.

Я взял его за подбородок
И заглянул ему в глаза.
В них полыхала бирюза,
И был он, видимо, не робок:
Он вырывался, что есть сил,
Но о пощаде не просил!

На меховой его одежде
Я отогнул воротничок.
И что ж? Увидел ярлычок!
Он красовался там, как прежде!
На нем, потрепанном с краев,
Стояло: «мастер Воробьев».

И я пошел проспектом длинным,
О воробьях слагая стих,
А где-то стайка воробьих
Пересыпала нафталином
Их шубки красного сукна...
Весна, товарищи, весна!

1944

После полуночи

*Огнем озарился ночной Ленинград,
Ты шапкуними и замри. . .
На Невском горят, на Литейном горят,
Горят по ночам фонари.*

*Мерцают в холодных глубинах волны,
Как бусы, висят над Невой.
Впервые среди ночи за время войны
Мы город увидели свой:*

*Под сенью суровых гранитных громад
Шагай по нему и смотри:
На Невском горят, на Литейном горят,
Ночные горят фонари.*

*Пускай еще тускло мерцают они,
Но твердо я знаю одно:
Что если горят в Ленинграде огни,
То, значит, в Берлине темно*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ленинграду 3

Ленинград обороняется

Баллада о чёрством куске	5
Баллада о старом слесаре	9
Немецкий снаряд	11
Фото	14
Царскосельская статуя	16
Урок	17
За Колпином	18
Противотанковый ров	19
Из-под огня...	21
Вооруженный Ленинград	23
Бойцу, пришедшему с Большой земли	25

Ленинград наступает

Февраль	27
Вперёд!	29
Землянка	31
На марше	33
Ждём	35

12 февраля	38
Боброво	40
Партизан	42
Полярная звезда	44
Гимн пехоте	46

Письма в пространство

Начало	49
Пластинка	52
Меня на фронт не провожали.	53
Столбы	54
Мне снилась дальняя сторонushка	56
Как на войне.	58
Прекратятся обстрел и бомбежка.	59
Тост	60
Мне всё под силу на войне	62
Я снова лежу в белоснежной палате	64
Было очень больно мне вначале.	66
Песенка	67
Ночь	69
Кружка	72
Алексею Лебедеву	74
Надвигались железные бивни	75
Вагон	76
Десять лет спустя	78

Весна

Весна	80
Сад	81
Из тылов к передовой	82
Васильки	83
Скворец	85
Сестра	87

Конь	89
Двое	90

Юность

Краснодонцы	93
Мастер Воробьев	100
<i>После полуночи</i>	121

Редактор Вл. Орлов
Обложка Е. И. Кршижановского

М 01165. Подписано к печати 15-III-1945 г. Тираж] 10 000
Печ. л. 3¹/₈. Уч-авт. л. 4. Заказ № 6726.

Типография № 1 Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгорсовета

4 p.